

МЫРКИН В. Я.

**В КАКОЙ МЕРЕ ЯЗЫК (ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА) ЯВЛЯЕТСЯ
ОТРАЖЕНИЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

В научной литературе (не говоря уже о публицистике и беллетристике) достаточно распространенным является утверждение, что язык есть отражение действительности, что язык — это «картина мира», «вместилище знаний», «памятник истории» и т. п. Высказывания типа «Язык и мысль, язык и история, язык и культура неотделимы друг от друга. Жизнь общества отражается в его языке» [1] трактуются (видимо, в силу привычки) как аксиоматические, не требующие особого доказательства. Противоположные суждения (типа «Языковые единицы, слова непосредственно не отображают процессы или события; их отображает речь в своих предложениях» [3] или «Конечно, само по себе слово, взятое вне предложения, еще не выступает как адекватная форма отражения реальности. Лексические значения выступают как элементы языкового отражения действительности лишь на уровне предложения» [3]) пользуются, к сожалению, меньшей известностью и не получили пока статуса аксиоматичности.

Между тем есть основания считать, что язык (языковая система), и, в частности, его лексический строй, очень схематично¹, очень приблизительно отражает внешний мир, и, напротив, именно речь (предложение, речевое произведение), а не язык, отражает действительный мир в наибольшей полноте и точности. Именно такую позицию занимают авторы коллективной монографии «Общее языкознание», указывая на две формы закрепления достижений общественного познания: «Это, во-первых, система языка, в которой отложились в виде языковых значений наиболее общие знания о мире, во-вторых, это совокупность языковых текстов, памятников, в которых на основе этих общих знаний зарегистрированы более частные знания из различных областей действительного мира, зафиксированы результаты мышления многих поколений» [5].

Прежде чем перейти к конкретной аргументации высказанных соображений, необходимо уточнить некоторые исходные понятия, а именно: что понимать под а) гносеологической категорией отражения, б) под языком и в) под сознанием. Как известно, понятие отражения как свойства материи было выдвинуто В. И. Лениным в 1908 г. в книге «Материализм и эмпириокритицизм» в следующей формулировке: «...логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» [6]. Характеризуя же ощущение, Ленин настойчиво употребляет следующие определения: *образ, копия, картина, отображение, фотография внешнего мира*. Таким образом, отражение в гносеологическом понимании непременно предполагает сходство, адекватность, воспроизведение черт оригинала в отражающем объекте, короче — *о б р а з о т р а ж а е м о г о п р е д м е т а*. При этом концептуальный образ (понятие) отличается, конечно, от чувственного образа по ряду параметров, одним из которых является обобщенность, абстрактность первого. Однако будучи обобщенным, концептуальный образ, тем не менее, должен быть адекватным, изоморфным, а не конвенциональным, отображением объекта-ориги-

¹ Ср. мнение А. А. Уфимцевой: «Означаемое одних словесных знаков представляет собой более или менее схематическое отражение элементов опыта человека, фактов и явлений окружающего его мира, формируя значение так называемых характеризующих знаков, представленных полнозначными словами» [4].

нала. Кроме того, разные отражающие объекты, отражая один и тот же объект, могут дать различные по своей адекватности, точности, полноте образы, что зависит в значительной степени от материала отражающего объекта, от уровня его восприимчивости к каким-то определенным свойствам, чертам данного объекта-оригинала. В таком случае мы можем различать — говоря терминами оптики — высокую разрешающую способность и низкую разрешающую способность отражающего объекта (по отношению к отдельной черте оригинала). Хотя жестких границ между степенями точности воспроизведения нет, крайние точки, однако, различать необходимо, ибо слишком низкая разрешающая способность отражающего объекта может иметь следствием столь слабое, столь приблизительное, столь условное отображение объекта-оригинала, что черты последнего могут предстать даже в искаженном виде. Восстановление черт источника становится в таком случае, как правило, невозможным или очень гипотетичным². В качестве примера подобного рода можно привести такое явление, как эхолокация, т. е. способность отражения предмета, опознания его формы и места слуховым аппаратом на основе восприятия отраженных (в физическом смысле этого слова) предметом ультразвуков. Эхолокация чрезвычайно развита у летучих мышей и дельфинов и почти не свойственна человеку, но проявляется и развивается у слепых, которые могут, посылая звуковые сигналы (шум шагов, постукивание палки), ориентироваться в пространстве. Но вообще у человека очень грубая, примитивная форма эхолокационного отражения действительности.

Не всякое воздействие одного объекта на другой следует считать отражением. Поэтому, например, не всякое разрушение при столкновении двух объектов является отражением (иначе тунгусская катастрофа в 1908 г., видимо, не оставалась бы загадкой), не всякое реагирование (как например, побледнение лица от страха) есть гносеологическая категория отражения. Следовательно, «образ — один из самых существенных моментов акта отражения. От других типов реакций тел на воздействие извне (в частности, от раздражимости и от элементарного рефлекса) формирование образа отличается прежде всего тем, что эта группа изменений так или иначе воспроизводит, копирует признаки объекта, сходна с ними и притом не в результате случайного совпадения, а именно в результате формирующего влияния со стороны объекта» [8]. Отражение порой осуществляется в закодированной форме, т. е. какое-либо сходство с отражаемым объектом в отражающем объекте полностью отсутствует, например, генетическая информация кодируется в молекулах ДНК, восприятие мира человеком кодируется первоначально в нервных импульсах. Однако в отличие от прочих причинно-следственных взаимодействий, где тоже нет подобия, закодированное состояние отражающей системы всегда является лишь промежуточным этапом: оно в конечном итоге обязательно декодируется, т. е. образ объекта-оригинала восстанавливается в однозначном порядке. В знаках же языка или в предложениях как материальных (звуковых или графических) образованиях мир не отражается; мир отражается в сознании, а сознание закрепляет, фиксирует, кодирует это отражение-знание в конвенциональных знаках. В самих знаках смысла нет, они лишь мнемонические средства закрепления и пробуждения соответствующего смысла в наших головах. Следовательно, можно было бы поставить вопрос так: где правильное и точное кодируется наше знание о мире — в языковой системе, или в речи?

² Реконструкция (фрагмента) объекта-оригинала по сохранившимся следам отражения — это обычная сторона человеческой деятельности, причем (и это важно для понимания специфики отражения) «по состоянию S_2 (отражающая система) можно узнать состояние S_1 (отражаемой системы) не в силу условного соглашения, а в силу самой природы вещей» [7].

Если результаты воздействия одного объекта на другой в ходе причинно-следственных отношений не ведут к созданию подобия между объектами, мы будем называть их псевдо-отражениями. Отражение одного объекта другим с очень низкой разрешающей способностью назовем олиго-отражением (< греч. *oligos* «малый»). Наконец, отражение одного объекта другим с очень высокой разрешающей способностью назовем голо-отражением (< греч. *holos* «весь»). Таким образом, нашей конечной целью будет выяснение вопроса — относится ли язык к псевдо-, к олиго- или к голо-отражающим объектам³.

Что, однако, следует понимать под языком? Язык проявляется на двух уровнях: с одной стороны, он существует в виде стабильной системы знаков (идеально — в голове, материально, в превращенной форме — в речи) и образует такие сущности, как язык народа, национальный язык, языки мира, человеческий язык; с другой стороны, язык существует в виде речи, коммуникации, т. е. в форме нашего естественного практического говорения. В лингвистике принято называть первый объект языком (языковой системой), второй — речью. Предполагая и обуславливая друг друга, язык и речь обладают известной автономностью, заключающейся, в частности, в различии их системного построения, в различии их функций, в различии их связи с общественной средой. Внутри речи различаются такие ярусы, как предложение, высказывание, текст. Предложение (нижний ярус речи) — в отличие от языковых знаков — характеризуется предикативностью, т. е. два знака ставятся в обоюдно необходимую связь. Высказывание характеризуется актуализированностью, т. е. включением предложения в определенный контекст. По сути, подлинная речь начинается с высказывания. Предложение — это как бы потенциальное высказывание, а высказывание — актуализированное предложение. Наконец, текст — это некая тематическая связанная совокупность высказываний (например, доклад, статья, книга). Для нашего дальнейшего изложения указанное различение речевых ярусов не является существенным, так что речь в целом противопоставляется языку как системе знаков. Правда, в научной литературе под языком нередко понимается речь, особенно ярус предложений (это характерно, в частности, для англоязычной литературы, где словом *language* именуется то языковая система, то речь). В работе А. Ф. Лосева читаем: «Само собой разумеется, что язык очень часто является отражением действительности, но он часто является также искажением действительности, ложью об этой действительности... Иначе ведь любое наше грамматическое предложение и любое наше высказывание уже было бы истиной, и искажать действительность, извращать существующие в ней отношения и вообще ошибаться или лгать было бы невозможно» [9]. Понятно, что под языком здесь фактически имеется в виду речь (предложение). Но в таком случае невозможно солидаризироваться с автором, ибо ведь на том основании, что наши ощущения и мысли могут быть ложными, никто из материалистов не станет утверждать, что ощущения и мышление не отражают мир. Конечно, бывают ложные и ошибочные высказывания, но это — исключения в речевой деятельности, иначе функционирование и эволюция общества были бы невозможны. Однако отстаивая тезис об отражательной способности языка, иные исследователи недвусмысленно указывают, что они имеют в виду именно языковую систему (структуру), а не речь (ср., к примеру, следующее высказывание: «... структура языка как системы знаков, т. е. как системы материальных сторон языковых единиц, ориентирована на структуру самой действительности и системы отражающих ее языковых значений...» [10]).

Принимая во внимание столь полярные точки зрения по поводу того,

³ Фактически под языком здесь имеется в виду только словарь как объект, в наибольшей мере связанный с внешним миром. Относительно фонологического строя и, видимо, большей части грамматического строя уместен лишь вопрос, что в них относится к псевдо-отражающим объектам.

отражает ли язык действительность, нужно оговаривать, что понимается под языком: язык *sensu stricto* или речь.

Наконец, последний вопрос: если результатом отражения человеком действительности является знание, то спрашивается, каково взаимоотношение знания (равно мышления и сознания) и языка (т. е. языка/речи). Знания формируются, формулируются, передаются, хранятся, актуализируются. В каждом звене возможно в принципе и невербальное осуществление соответствующей операции, но нас интересует здесь только вербальный аспект проблемы. Первые два звена (т. е. формирование и формулирование знаний) относятся к сфере мышления. Последние два звена (т. е. хранение и актуализация знаний) относятся к сфере сознания. Мышление (если оно словесное) осуществляется в основном в виде внутренней (свернутой, редуцированной) речи. Сознание (особенно в звене его актуализации) существует в виде суждений о мире и коррелирует, таким образом, скорее с предложениями, чем с отдельными словами языковой системы. Что касается информации (т. е. передачи знаний), то она циркулирует в виде высказываний и текстов. Способом межиндивидуального хранения знаний являются тексты (письменная литература), которые стали универсальным средством аккумуляции человеческого опыта. В принципе под вопросом остается лишь одно звено — способ индивидуального хранения знаний в памяти. Новейшие данные из области нейрофизиологии мозга показывают, что значительная часть информации кодируется в правом полушарии в невербальной форме. Итак, язык, конкретнее — слова, как они даны, скажем, в словаре, не соотносятся ни с каким звеном знаний, «язык не является ни знанием, ни даже формой существования знания, так как язык содержит в себе непосредственно не предложения (а тем самым суждения, т. е. знания или заблуждения), а только материал для производства предложения в речевой деятельности (следовательно, лишь средства для формирования мысли). Знание не существует и не развивается как язык» [11].

Следовательно, именно речь является коррелятом мышления и (с)ознания, концептуальный опыт человека соотносится именно с речью, а не с языком — языковой системой, являющейся главным образом строительным материалом для производства речи. Но этим самым пока ничего не утверждается о способности языковых единиц отражать действительность.

Мы подошли, наконец, к вопросу: отражают ли язык и речь действительность, и если — да, то какое тут различие? Скажем сразу: и язык и речь отражают мир, но по-разному. Язык относится к объектам с очень малой разрешающей способностью, язык отражает мир неточно, контурно, приблизительно, вне взаимосвязей, со многими лагунами, порой даже искаженно, т. е. относится — согласно нашей терминологии — к олиготражающим объектам. Напротив, речь обладает высокой разрешающей способностью, отражает мир довольно полно, адекватно, детально, во взаимосвязях, оперативно и является, следовательно, голоотражающим объектом.

Однако остановимся подробнее на отдельных моментах.

1. Отражает ли язык историю народа, историю общества? Можно ли по языковой системе реконструировать историю народа? Нет. Хотя язык является результатом многовековой истории и многое в его лексиконе носит следы истории народа (раскрываемые, в частности, в этимологии слов), следы эти часто случайные, безусловно отрывочные, порой ложные. Поэтому язык никогда не включается в список источников по истории страны, но включаются летописи, государственные акты, частные письма, дневники, художественная и иная литература, одним словом — тексты.

В языке нет ничего подобного археологическим культурным слоям или годичным древесным кольцам: языковые единицы многотысячелетней давности нельзя отличить от единиц, возникших в последние десятилетия. Если в языковой системе и существует несколько слоев (социальная, стилистическая, возрастная, региональная и др. вариативность), то они во

всяком случае не имеют исторического характера, т. е. не следуют друг за другом по оси темпоральности. Мы не столько судим об истории народа по отдельным словам, сколько о словах по истории народа (зафиксированной в текстах). Если и справедливо мнение, что все, что есть в языке (т. е. практически в лексиконе), было и в истории народа, то тем более справедливо и то, что подавляющая часть того, что было в истории народа, не зафиксирована в языковой системе. Разве что для исследования предыстории народа, при отсутствии других данных, могут кое-какую помощь оказать данные языка, но и то лишь вспомогательную⁴.

2. Существенно ли — на каком конкретном языке производится фиксация отраженной действительности, в том числе и истории народа (т. е. фактов, событий, эпизодов истории)? Нет, не существенно. Как это ни парадоксально (при допущении, что язык отражает действительность), высказывания об одном и том же факте, сделанные на разных языках (воплощающих, якобы, разную картину мира), практически тождественны по содержанию, по смыслу, закрепленному в высказываниях. Кто усомнится в тождественности факта, выраженного, с одной стороны, русским предложением: *Безопасность в Европе и во всем мире зависит от состояния ядерного баланса между Востоком и Западом*, с другой стороны, — английским: *European and world security depends on the nuclear balance between East and West* или немецким предложением: *Die Sicherheit in Europa und in der ganzen Welt hängt vom nuklearen Ost-West-Gleichgewicht ab?* Здесь есть различия в знаках, в грамматических формах и конструкциях, «что же касается смысла, то он не зависит от различий между языками, по своей природе он является универсальным, представляющим инвариантное содержание отражательной деятельности человека» [13]. Понятно, что и исторические сведения мы получаем из соответствующих текстов — независимо от того, на каком языке они составлены. Так, лингвистам известен мертвый язык германского племени готы по сохранившимся фрагментам перевода Библии с греческого на готский язык, сделанного готским епископом Вульфилой в IV в. нашей эры. Имеется, следовательно (ограниченный содержанием Библии), словарь готского языка, однако извлечь какие-либо подробности жизни готы из этого словаря невозможно. Зато имеется, например, книга Иордана «О происхождении и деяниях гетов», написанная в VI в. на латинском языке (позднее переведенная на другие языки, в том числе и на русский), которая и является одним из основных источников наших знаний о готах.

Так что же является скорее свидетелем истории — язык или речь?

3. Нет спору, в словах закреплены какие-то общие, узловые знания человека о мире. Но какой-либо концептуальной системой ни язык вообще, ни его словарь в частности не обладают, так как языковая система не моделирует систему внешнего мира, потому что между языковыми единицами не существует предикативных отношений. Так, скажем, слова *солнце*, *земля*, *вращаться* выражают некоторые общечеловеческие понятия о мире. Но в каком отношении они находят друг к другу? Ответ на это может дать только предложение, в котором и осуществляется предикативная связь: либо *Солнце вращается вокруг Земли* (ложное отражение действительности), либо *Земля вращается вокруг Солнца* (истинное отражение действительности). Понятно, что язык лишен такого свойства отражающих объектов (в частности, речи), как актуальность отражения, т. е. способности отражения быть конкретным и ситуативным. В языковых единицах отражено только самое общее, в речевых единицах отражается актуальность происходящего в мире.

4. В языке действительность дискретизирована в различной степени, что становится очевидным при сравнении лексического инвентаря разных языков. Например, в японском языке существуют такие слова, как *цун-*

⁴ Ср. по этому поводу мнение историка о роли языка в реконструкции прошлого (мнение, так сказать, со стороны): «Довольно аморфная и расплывчатая (как в географическом, так и во временном отношении) картина, получаемая лингвистами, приобретает определенность и историческую конкретность, когда удастся более или менее достоверно сопоставить выводы лингвистов с археологическими культурами» [12].

доку «накапливание книг без чтения их», *кэютю-сэппо* «выговор, получаемый мужем от жены наедине»; в английском языке — *Dutch concert* «пение, при котором каждый поет свое», *Dutch feast* «пирушка, на которой хозяин напивается раньше гостей»; в исландском языке — *driúvirkur* «успевающий много сделать, работая спокойно и уверенно», *ihlutunarsemi* «склонность вмешиваться в чужие дела». Разве эти закрепленные в словах понятия типичны именно для соответствующих народов и чужды, например, для русского народа? Видимо, нет. Но готового языкового выражения, т. е. языковых единиц, для них в русском языке нет. В речи мы можем, разумеется, выразить все, в частности, комбинируя слова, и таким образом, без труда преодолеваем так называемую лингвистическую относительность любого языка, которая заключается в различной языковой дискретизации одной и той же действительности, дискретизации — не всегда рациональной с точки зрения человеческого знания и человеческой практики. Поэтому, в частности, «всякая попытка приписывания языку функции отображения природы может создать иллюзию тождественности языка и науки. Очевидно, что картина языка не совпадает с картиной природы, на это может претендовать лишь наука... Языковое деление не всегда совпадает с естественной сегментированностью в природе, а иногда противоречит ей» [14].

5. А если какие-то черты окружающего мира у разных народов различны? Зафиксируют языки эти различия? Да, — отвечает этнолингвистика, указывая на специфичность части словарного состава, который своей детализированностью названий в какой-либо области человеческой деятельности свидетельствует об особенностях региона и о роде занятий того или иного народа. В самом деле, если, например, в словаре исландского языка закреплены такие понятия, как «заблудившийся (и потерявший мать) ягненок», «количество травы, достаточное для пастбы овец», «собираание осенью пасущихся в горах овец», «день, когда согнанные с пастбища овцы распределяются между хозяевами» и т. п., то это уже дает нам знание об одном из основных (наряду с рыболовством) занятий исландцев. Ничего неожиданного в таком факте нет. Известно, что профессиональная лексика характеризуется именно своей детализированностью, но подобная терминология, как правило, не входит в общенародный словарь и неизвестна никому за пределами круга профессионалов. Если же народ достаточно малочислен и занимает небольшую территорию, то он почти весь вовлекается в какой-либо один род деятельности и соответствующая роду занятий терминология становится общим достоянием и, следовательно, достоянием общенародного словаря. В случае же, когда народ в силу своей многочисленности и неоднородности природных условий занимаемой территории необходимо становится разнородным по характеру занятий, то специфичность общенародного лексикона теряется. Попробуйте установить, например, из словаря русского языка особенности трудовой деятельности русского народа, из словаря немецкого языка — специфику занятий немцев и т. д.! Другое дело, что все это находит отражение в текстах, в речевой деятельности людей.

6. Другое языковедческое направление — социолингвистика ищет корреляции между социальным (классовым, сословным, групповым, профессиональным, образовательным и т. п.) членением общества и членением языка на соответствующие «подязыки». Такие корреляции действительно существуют, но не имеют сколько-нибудь систематического, жесткого, однозначного характера; это позволяет утверждать, что «сложный, многоступенчатый и опосредствованный характер связей между социумом и языком исключает возможность рассмотрения структурной дифференциации языка как зеркального отражения структуры социальной дифференциации общества» [15]. Следовательно, и в данном плане язык имеет довольно малую разрешающую способность.

7. Хорошо известны два следующих высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о языке в «Немецкой идеологии»: «... язык *есть* практическое... действительное сознание...» [16, с. 29] и «язык *есть* непосредственная действительность мысли» [16, с. 448]. Классики марксизма-ленинизма, как

известно, не различали терминологически язык (языковую систему) и речь (высказывание, коммуникативную деятельность), употребляя обычно комплексный термин «язык» (нем. *Sprache*, англ. *language*), но имея каждый раз в виду либо языковую систему (средства выражения содержания), либо речь (содержание). В цитированных выше высказываниях под языком несомненно имеется в виду речь, речевое содержание. Сознание не может быть тождественно языку, ибо тогда было бы необъяснимо сходство в сознании у разноязычных людей и различие в сознании у одноязычных людей; ибо сознание обладает концептуальной системой, а язык таковой не обладает; ибо несовместимы статичность языка и динамичность сознания и т. д. и т. п. (см. также [17, 18]). Тем более сказанное относится к мысли (мышлению). Язык является непосредственной действительностью мысли в том смысле, что высказанная мысль (т. е. речь) становится чувственно воспринимаемой, приобретает, так сказать, «вещную» форму.

Следовательно, непосредственной действительностью мысли является речь, и этот неоспоримый факт не мог остаться неотмеченным в научной литературе. Так, например, А. Г. Спиркин пишет: «Речь есть материальное выражение мысли... Действительностью сознания является не столько язык, сколько речь: именно в речи фиксируется содержание сознания... Содержание, выраженное в речи, есть содержание сознания, которое не сводится к сумме значений языковых единиц, используемых для его выражения» [19]. Аналогичным образом рассуждает чешский языковед Я. Петр: «Но если мы будем понимать приведенные выше положения Маркса и Энгельса буквально, мы повторим ошибку Марра, который включал в язык всю область сознания и отождествлял содержательную сторону языка с сознанием. Если же мы будем исходить из того, что содержание нашего сознания не исчерпывается суммой значений тех единиц, которые используются для его выражения, тогда при различении понятий (и их объемов) „язык“ и „речь“ мы можем опираться на формулировку Маркса и Энгельса в том смысле, что речь есть действительное сознание» [20].

Итак, что же является адекватным отражением действительности: язык или речь? Напомним, что критерием полноты отражения является возможность реконструкции отражаемого объекта по данным отражающего объекта. На основе единиц языка можно восстановить в лучшем случае лишь приблизительные, размытые контуры элементов мира, вне деталей и связей (олиго-отражение); на основе продуктов речи мы реконструируем действительность достаточно полно, точно, детально, взаимосвязанно (голо-отражение). Поучительно, что этот вывод был сделан более ста лет тому назад, — Н. Г. Чернышевским (кстати, филологом по университетскому образованию), который в 1855 г. писал следующее: «„Но язык есть зеркало народной мысли“ (Чернышевский цитирует рецензируемую им книгу В. Стоюнина „Высший курс русской грамматики“, повторяющего положения В. Гумбольдта. — *М. В.*); — не все зеркала отражают предмет в его полном размере и истинном виде. В литературе, в истории жизнь народа отражается верно и полно; в языке — неточно, неполно и часто неверно... Конечно, развитие языка идет вслед за развитием народной жизни, но мы не „разумеем“, какая нужда изучать ограждение предмета в зеркале, когда он сам очень хорошо виден из литературы и истории. Ужели, в самом деле, дел Петра Великого нельзя узнать из Голикова „Деяний Петра Великого“ и непременно нужно для этого исследовать, какие слова ввел Петр Великий в русский язык? И скажите, каким образом из филологического изучения русского языка вы узнаете, что Пушкин ввел в русскую литературу новые идеи? Для этого нужно знать историю русской литературы, а не филологически разбирать русский словарь или русскую этимологию» [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брагина А. А.* Лексика языка и культура страны. М., 1981, с. 9.
2. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 141.
3. *Кукушкина Е. И., Хмара Н. Д.* Язык и чувственное отражение.— *Философские науки*, 1979, № 4, с. 38.
4. *Уфимцева А. А.* Семиологический подход к изучению лексики.— *ИАН СЛЯ*, 1984, № 5, с. 434.
5. *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка.* М., 1970, с. 375.
6. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм.— *Полн. собр. соч.*, т. 18, с. 91.
7. *Шалютин С. М.* Теория познания и современная наука. М., 1967, с. 84.
8. *Кремлянский В. И.* Типы отражения как свойства материи.— *ВФ*, 1963, № 8, с. 133.
9. *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. М., 1982, с. 95.
10. *Панфилов В. З.* Марксизм-ленинизм как философская основа языкознания.— *ВЯ*, 1979, № 4, с. 16.
11. *Ведин Ю.* Структура, истинность и правильность мышления. Рига, 1979, с. 21—22.
12. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981, с. 148.
13. *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978, с. 50.
14. *Рамшвили Г. В.* К проблеме «уникальности» человеческого языка.— *ФН*, 1980, № 2, с. 47.
15. *Швейцер А. Д.* К проблеме социальной дифференциации языка.— *ВЯ*, 1982, № 5, с. 40.
16. *Маркс К. и Энгельс Ф.* *Немецкая идеология.*— *Соч.* 2-е изд., т. 3.
17. *Зыцарь Ю. В.* О единстве сознания и различиях языков.— *ВЯ*, 1984, № 4.
18. *Кацнельсон С. Д.* Речемыслительные процессы.— *ВЯ*, 1984, № 4.
19. *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М., 1972, с. 216.
20. *Петр Я. К.* Маркс, Ф. Энгельс и славянские языки. М., 1984, с. 16.
21. *Чернышевский Н. Г.* Высший курс русской грамматики, составленный В. Стоюниным. СПб., 1855.— *Полн. собр. соч.* М., 1949, т. 2, с. 696.